

Глава 16. Путь вдвоём

Покинув уездный город, Е Ишу направился по главной дороге, ведущей на запад.

Прошёл почти час, но ни одна повозка, запряжённая ослом — из тех, что обычно подвозили путников за плату, — так и не показалась. Минул ещё час; время близилось к середине стражи Шэнь.

Внезапно позади раздалось приглушённое ослиное фыркание, сопровождаемое скрипом колёс.

Е Ишу отошёл к обочине и обернулся, ожидая приближения транспорта. Однако вместо привычного возчика на козлах восседал молодой лекарь в длинном халате цвета чистого неба.

Е Ишу прищурился. В голове мелькнула мысль: «Интересно, согласится ли доктор Сун подвезти меня?»

Пока их разделяло небольшое расстояние, их взгляды встретились. Оба молчали, не отрывая глаз друг от друга.

Рука Сун Чжэньцзиня, сжимавшая поводья, заметно напряглась. Он заставил осла замедлить шаг и, наконец, остановился прямо подле юноши.

Лоб Е Ишу блестел от пота, а к белой коже шеи прилипла влажная прядь волос. Губы его, алые и яркие, напоминали цветок лотоса в разгар лета.

Не успел Сун Чжэньцзинь вымолвить и слова, как гээр улыбнулся:

— Доктор Сун, какая встреча.

Они оказались так близко, что лекарь вновь ощутил тот самый тонкий, едва уловимый аромат. Он опустил длинные густые ресницы и отвернулся.

Е Ишу только недавно видел иную сторону этого человека, и теперь контраст был разительным. Впрочем, юноша слишком спешил домой, чтобы копаться в причинах.

— Доктор Сун, вам по пути? Не подбросите меня? — прямо спросил он.

Сун Чжэньцзинь сдержанно кивнул:

— Разумеется.

Он спрыгнул на землю, приглашая Е Ишу в крытую повозку, где лежали его медицинские инструменты. Козлы были высокими, и Сун Чжэньцзинь, уступив дорогу, протянул руку, намереваясь помочь. Но юноша в красном одеянии одним ловким движением запрыгнул в повозку — легко, точно порхающая бабочка.

Е Ишу обернулся и ослепительно, дерзко улыбнулся:

— Благодарю.

Уголки губ Сун Чжэньцзиня на миг дрогнули в подобии улыбки и тут же застыли. Словно рябь на воде — мгновение, и всё исчезло, оставшись незамеченным.

Когда Е Ишу устроился внутри, лекарь тронул поводья, направляясь в сторону городка Фэн-нянь.

Сун Чжэньцзинь не отличался многословностью, как и сам Е Ишу. Но сидеть вот так за занавеской, пока другой управляет повозкой, было странно — будто он превратил почтенного доктора в простого извозчика.

Е Ишу, лишённый кротости, подобающей гээру, отодвинул полог и заговорил:

— Слышал, доктор Сун бывает в уезде раз в три дня?

Взгляд лекаря на миг замер.

— Я езжу по числам, кратным трём, шести и девяти. В остальные дни я обычно дома. Если придёшь и не застанешь меня, значит, я ушёл в горы за травами.

Опершись подбородком на ладонь, Е Ишу, не таясь, принялся рассматривать прямую спину лекаря.

Его ресницы мелко дрогнули.

«Разве я спрашивал так подробно?» — пронеслось в голове юноши.

Помолчав, Е Ишу негромко произнёс:

— Понимаю. И... спасибо за помощь моей матери.

Сун Чжэньцзинь внимательно следил за дорогой, умело объезжая рытвины и колдобины. Услышав слова благодарности, он заметно смягчился:

— Долг лекаря, не более. Не стоит благодарности.

На этом беседа исчерпала себя. Они были знакомы совсем недавно, и пары фраз хватило, чтобы заполнить неловкость.

Остаток пути Е Ишу провёл в повозке, прикрыв глаза и восстанавливая силы. Сун Чжэньцзинь старался править так, чтобы ход был максимально плавным.

Мерно покачиваясь, Е Ишу вдыхал доносившийся снаружи аромат целебных трав — он обволакивал его, точно невесомая вуаль. Запах был настолько умиротворяющим, что юноша не заметил, как задремал. Когда лекарь окликнул его, они уже почти достигли границ деревни.

Е Ишу прикрыл рот ладонью и сладко зевнул. Глаза его затуманились сонной дымкой; он замер, бессмысленно глядя на широкую спину, положение которой, казалось, ни разу не изменилось за всё время пути.

— Здесь развилка, дальше я не поеду, — Сун Чжэньцзинь натянул поводья и, сойдя на землю, замер у края повозки.

Е Ишу кивнул, упираясь руками в борта. Он хотел было спрыгнуть, как обычно, но перед ним внезапно возникла крепкая рука лекаря.

— Не прыгай. Ты долго сидел, ноги наверняка затекли — можешь упасть, — проговорил Сун Чжэньцзинь. Его взгляд, чистый и прозрачный, словно горный хрусталь, был полон спокойного участия.

Е Ишу моргнул, прогоняя остатки сна, и уверенно оперся о предплечье Сун Чжэньцзиня. Стоило ему коснуться земли, как ноги действительно предательски подкосились.

Лекарь напряг руку, удерживая его. Казалось, он хотел помочь сильнее, но тут же поспешно отстранился, как только юноша обрёл равновесие.

— Помни: через полмесяца твоей матери нужно прийти на повторный приём. Я пойду.

С этими словами он вновь взошёл на повозку и неспешно направил осла по другой дороге.

Е Ишу остался на месте, разминая затекшие мышцы. Он невольно зашипел от боли — по ногам точно побежали тысячи колючих муравьёв. Шея задеревенела, поясница ныла.

«Похоже, езда в повозке доктора Суна — то ещё испытание», — подумал он.

Постояв на перекрёстке, пока неприятные ощущения не прошли, юноша медленно побрел к дому.

Наступил час Ю. Небо на горизонте окрасилось в сочные оттенки оранжевого и пурпура, а над крышами домов заструился сизый дым очагов.

Е Ишу вернулся как раз к ужину. Сегодня семья Е вновь перешла на двухразовое питание, и домочадцы ещё не успели привыкнуть к достатку — все ели так, будто голодали неделю, жадно запихивая еду за обе щеки.

Не прошло и четверти часа, как половина блюд на столе исчезла. Набив желудки, некоторые почувствовали в себе силы для привычных перепалок.

Ли Сынян мазнула колючим взглядом по Е Ишу и спросила:

— Змею-то продал?

— Продал, — коротко бросил тот.

— И где серебро? Ты уже который день в дом ничего не приносишь.

— Значит, вчерашняя акэбия ушла прямиком в собачье чрево? — парировал Е Ишу.

— Что ты сказал?! — старуха едва не захлебнулась от ярости, брызжа слюной.

— А-Шу... — Ши Пулю поспешно схватила сына за рукав, умоляюще потянув на себя.

Е Ишу, испытывая лишь безгливость, отложил палочки.

— Что? Я в чём-то неправ?

Он повернулся к отцу:

— Отец, ты отдал бабушке деньги за проданное зерно?

— Отдал, — честно ответил Е Чжэнкунь.

Е Ишу криво усмехнулся и посмотрел в лицо старухе:

— Бабушка, на полях трудится один мой отец, спину гнёт с утра до ночи. Младший дядя — бесполезный лентяй, от которого в поле никакого проку. Не кажется ли вам, что деньги, оставшиеся после продажи урожая, мой отец должен оставлять себе? А то, что он отдал вам сегодня, считайте платой за сыновнее почтение. Как вам такая мысль?

Ли Сынян, услышав такое, едва не лишилась чувств от возмущения.

— Е Ишу, не смей извергать это дерьмо! Мои поля, моё добро! С какой стати я должна отдавать всё твоему отцу?!

— А, — холодно протянул юноша. — Значит, мой отец вам уже не сын.

— Кому и что я даю — не твоё сопливое дело! Вечно ты воду мутишь, хочешь нас с сыном рассорить!

— И то верно, — вклинилась Цзинь Лань, почуяв угрозу кошельку. — Братец Шу, ты ещё замуж не вышел, а уже в карман к отцу лезешь. Зачем гээру деньги? Если кому они и нужны, так это Доумяо.

Цзинь Лань испугалась, что Е Ишу и впрямь заставит старуху раскошелиться. Ведь именно Е-старший везёт зерно на рынок — старики с этим не справятся, а её муж вечно пропадает. Если старший брат решит утаить часть прибыли, кто его проверит? Нужно было срочно пресечь эти мысли и у него, и у свекрови.

Е Ишу лишь рассмеялся — зло и сухо.

— Доумяо? Стоило мне купить брату отрез ткани на одежду, как бабушка тут же его отобрала. Младшая тётушка, не смешите людей.

— Отдать серебро твоему отцу — вот это будет смех! — не унималась Цзинь Лань. — Думаешь, в семье только один сын? Есть ещё твой младший дядя, мой муж!

— Твой муж? — Е Ишу презрительно фыркнул. — Твой муж спускает все деньги в борделях. Уж лучше скормить их свинье, чем отдать ему.

— Ах ты паршивец! Да я тебе язык вырву...

— Хватит! — старик Е Кайлян исполнил свой извечный ритуал, с силой хлопнув ладонью по столу.

Е Ишу мгновенно остыл и как ни в чём не бывало продолжил сидеть, сохраняя полное спокойствие. Зато Цзинь Лань и Ли Сынян трясло от ярости.

Этот негодник сделал это нарочно! Нарочно устроил скандал за столом, чтобы лишить их аппетита!

Цзинь Лань и впрямь не могла больше проглотить ни куска. Бросив палочки, она вылетела из-за стола. Грохнула дверь западного флигеля.

«Детский сад», — подумал Е Ишу.

Настроение у него, впрочем, было отменным. Испортить аппетит старикам — залог крепкого сна. Его родители, привыкшие к многолетним баталиям за ужином, спокойно доедали свою порцию. Ши Пулю старалась брать только те блюда, что стояли перед ней — видимо, её тоже мутило от выходов свекрови.

«В следующий раз нужно будет приучить стариков к чистоплотности», — пометил про себя юноша.

Войдя в комнату, Цзинь Лань никак не могла выбросить из головы слова Е Ишу. Что значит — «спускает деньги в борделях»?

Её муж несколько дней назад вытянул у старухи пять лянов серебра, сказав, что едет по делам и вернётся через пару дней. Раньше такое случалось — торговля дело тонкое, когда в плюс, когда в минус, но в убытке они вроде не оставались. Она искренне считала мужа способным человеком.

Но она также знала, как притягателен мир за пределами деревни, особенно для мужчин. Если Е Чжэнсун и впрямь...

«Нет, нет! Нельзя верить этому пройдохе! Он просто хочет нас рассорить. Если мы устроим сцену, он только посмеётся», — убеждала она себя. Цзинь Лань ворочалась с боку на бок, стараясь отогнать дурные мысли, и постепенно успокоилась.

Тем временем семья Е-старшего закончила дела и разошлась по комнатам.

Е Ишу стоял у изгороди, наблюдая за Доумяо, который ловил светлячков.

— Светлячки не каждую ночь прилетают. Зачем они тебе? — спросил он, отмахиваясь от назойливых комаров.

— Цзиньбао просил.

— Раз хотел, пусть бы сам и ловил... — Е Ишу запнулся. — Кстати, Цзиньбао сегодня не видно.

Доумяо, прижимая к себе бамбуковую трубку, кивнул:

— Ему разрешают играть всего пару дней в месяц. Сегодня его снова отправили к деду, учиться.

— И даже вечером нельзя выйти? — Е Ишу не ладил с дядей и тётёй, да и своих забот хватало, так что он редко обращал внимание на мальчишку, которого постоянно отсылали к родне матери.

— По вечерам он должен зубрить книги при масляной лампе, — ответил Доумяо.

Е Ишу погладил брата по голове:

— А ты... ты хочешь учиться?

Доумяо поднял голову. Светлячок, замерший на дне трубки, мерцал мягким жёлтым светом, озаряя его худое личико.

— Старший брат, но ты ведь и так меня учишь?

— Я спрошу иначе. Хочешь ли ты сдать экзамены и стать большим чиновником?

Доумяо нахмурился. Светлячки в открытой трубке медленно потянулись вверх. Лёгкие, точно призрачный туман, они взлетали в ночное небо — сказочное зрелище. Мальчик поспешно накрыл трубку ладонью; в его глазах отражались золотистые искры.

Он широко и искренне улыбнулся:

— Братец, я хочу учиться у тебя охоте. Не нужны мне экзамены и чины.

— Почему? — Тёплый ветер шевелил волосы Е Ишу. Он убрал прядь за ухо; голос его звучал непривычно нежно.

— Потому что... — Доумяо замялся. — Потому что тогда всегда будет мясо и деньги.

Е Ишу негромко рассмеялся и, обхватив лицо брата ладонями, шутливо потискал его за щёки.

— Хорошо. Учись тому, чему сам хочешь.

— Братец, а почему ты не такой, как отец Баоцзы?

— В смысле?

— Баоцзы говорил, что его отец вечно ворчит: мол, были бы деньги — отправил бы его в школу. Говорит, что те, кто хорошо учится, становятся важными людьми и приносят славу предкам!

— Стать важным человеком не так-то просто, — заметил Е Ишу.

Если отбросить гениев, одарённых самой судьбой, путь к вершине лежит через изнурительный труд. Тысячи людей годами просиживают скамьи, надеясь стать тем единственным из десяти тысяч.

Е Ишу отпустил брата и ласково хлопнул его по плечу:

— Жизнь коротка, Доумяо. Будешь держаться за меня — не пропадешь. Славы предкам, может, и не добудем, но сытую жизнь я тебе обеспечу.

Мальчик расплылся в улыбке и гордо выпятил грудь:

— А я и так за тебя держусь, братец!

<http://bllate.org/book/13660/1584390>